

0-734030-1

На правах рукописи

ШМЕЛЕВА Юлия Владимировна

**ПОЭТИКА МАЛЫХ ЖАНРОВ Н. С. ЛЕСКОВА
(1880 – 1890-е ГОДЫ)**

специальность 10.01.01 – русская литература

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Иваново 2001

Работа выполнена в Ивановском государственном университете.

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
Розанова Людмила Анатольевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор, ведущий сотрудник
Института русской литературы РАН
Мельгунов Борис Владимирович

кандидат филологических
наук, доцент
Морозов Николай Георгиевич

Ведущая организация: Ярославский государственный
педагогический университет

Защита состоится "31" января 2002 года в 10 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.062.04 Ивановского государственного
университета по адресу: 153025, Иваново, ул. Ермака, д.39, ауд. 459.

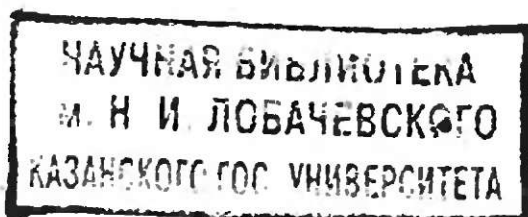
С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ивановского
государственного университета.

Автореферат разослан "27" декабря 2001 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Евсеев

Тюленева Е. М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

"Позднее" творчество Н. С. Лескова до конца еще не прочитано, особенно в его взаимосвязи с исканиями русской литературы последней трети XIX века, в частности, с усилившимся в ней интересе к малым формам и выдвижением на первый план проблемы достоверности в художественном произведении.

На наш взгляд, творческая зрелость Н. С. Лескова определяется не столько степенью его талантливости и мастерства, сколько умением прозревать жизнь во всех ее проявлениях и гармонично воссоединяться с ней, признавая за искусством роль диалектического, творческого преобразования действительности.

Н. С. Лесков — тот художник, которому в какой-то момент стало мало одной литературы. Для него самым главным становится то, что, как он полагает, "больше" литературы: житнетворчество (согласно замечанию И. Волгина, эту устремленность можно определить как "прорыв к читателю — "сквозь" литературу"). Высшая цель Н. С. Лескова — человека и художника — изменение самого состава жизни, новое мироустроение. Такая тенденция просматривается на всем протяжении творчества с заметным усилением в 1880–1890-е годы. Поэтому в его творческой лаборатории определяющее значение принадлежит художественно-документальному началу во всей его разнovoплощенности.

Соотношение таких категорий, как достоверное, документальное, вымышленное в отдельных произведениях Н. С. Лескова неоднократно исследовалось (Б. Я. Бухштаб, А. В. Лужановский, П. В. Куприяновский, А. А. Горелов, И. П. Видуэцкая, Ю. Д. Левин и др.). Но меньше внимания уделялось формам документального начала в циклах произведений и в произведениях "переходного жанра". Поэтому в своей работе мы акцентируем внимание именно на произведениях, входящих в циклы и на произведениях, необычный жанр которых определен самим Н. С. Лесковым ("Товарищеские воспоминания о П. И. Якушкине", "Некрещеный поп. Невероятное событие. (Легендарный случай)", "Клоподавие. Орловский живой вариант к киевской бумаге", "Легендарные характеры (Опыт систематического обзора)"). Что касается последних, то их множество, устойчивость и постоянство в творчестве Н. С. Лескова позволяет говорить о необходимости всестороннего рассмотрения этих произведений (в содержательном, жанровом, эстетическом и других аспектах).

Важность подобных исследований обусловлена как недостаточной изученностью указанных сочинений, так и более существенными основаниями, как то: их историко-литературной значимостью, контекстуальностью; уникальностью синтеза традиционного и нового; необычностью способов фиксации многообразных проявлений жизни, что

повлекло за собой возникновение новых жанровых форм в поэтике Н. С. Лескова.

Кроме того, выбранная тема актуальна и в силу развития современного литературоведения, особенно за последние годы, когда интерес к художественно-документальной литературе увеличивается.

Еще одним "знаком" актуальности темы исследования является интерес ученых к поэтике "позднего" творчества Н. С. Лескова (что доказывается полемикой последних лет). То обстоятельство, что внимание исследователей фокусируется на контекстуальности лесковского творчества, свидетельствует о философской глубине художественного наследия писателя.

Поставленные в работе проблемы актуализируются еще и потому, что в последние десятилетия происходит своего рода "переоценка ценностей" – как в методологии литературоведения, так и в осмыслении творческого вклада того или иного писателя в русскую культуру. Современная история литературы может быть успешно выстроена только в широком контексте культуры.

Актуальность нашего исследования подтверждается и развитием отечественной науки, вышедшими за последние годы серьезными работами о Н. С. Лескове (Ю. В. Лебедев, А. А. Горелов, И. В. Столярова, В. А. Туниманов, Б. С. Дыханова, Е. В. Душечкина, О. В. Евдокимова, Н. Н. Старыгина), продолжающем выходить с 1996 г. 30-томном собрании сочинений Н. С. Лескова. Кроме того, с пристальным вниманием к творчеству Н. С. Лескова относятся зарубежные литературоведы (Cavaion D., Edgerton W. B., Lantz K., Le Blanc R. D., McLean H., Muckle J. Y.).

НАУЧНАЯ НОВИЗНА РАБОТЫ

Сейчас к Н. С. Лескову возвращаются и обращаются в самых разных исследованиях достаточно активно. Документальное начало в произведениях писателя по-прежнему актуально, по-прежнему доминирует контекстуальный анализ (творчество Н. С. Лескова, да и других художников рассматривается в сложной системе "литература – реальность – литература", включается в культурно-историческую парадигму).

В отечественном литературоведении обозначились следующие линии в изучении творчества Н. С. Лескова: исследование документальной манеры письма (источниковая база, прототипическая основа и т.д. в отдельных произведениях, в "малых жанрах" в том числе) (В. А. Гебель, А. В. Лужановский, А. А. Горелов); монографические обзоры (Б. М. Другов, В. Ю. Троицкий, И. В. Столярова); проблема творческих взаимоотношений писателя (П. В. Куприяновский, А. А. Горелов, Е. М. Пульхритудова).

Однако, несмотря на существующее многообразие работ, мы не обнаружили полной истории изучения малых жанров Н. С. Лескова, глубины их содержания, рассмотрения в них элементов сказочности, фантастики, необычного. Не встретили мы и всестороннего исследования перекличек

между действительной и художественной реальностью в произведениях Н. С. Лескова.

Научная новизна нашего исследования состоит в том, что оно является первой попыткой разностороннего изучения одного из аспектов поэтики "позднего" Н. С. Лескова – художественно-документального содержания, воплощенного в неизученных и малоизученных произведениях малых жанров 1880–1890-х гг.

Новаторской тенденцией оказывается и стремление как можно полнее изучить философский потенциал лесковской прозы, эпическое начало в малых формах. Особое внимание уделено произведениям, не получившим в литературоведении полного осмысления, а именно – сказкам, легендам и притчам. Кроме того, в работе мы проводим сопоставительный анализ творческой манеры Н. С. Лескова с художественными установками его предшественников (Н. А. Некрасов) и современников (Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, С. В. Максимов).

Наше исследование направлено к раскрытию многосмысленности лесковского слова путем рассмотрения творчества писателя в системе категорий "метод", "жанр", "поэтика", благодаря чему вводятся новые основания для определения места писателя в литературном процессе.

Выстроенность материала позволяет ради объективности вступить в полемику с рядом ученых по нескольким основным линиям: 1) о необходимости изменения взгляда на писателя как художника социально-бытового плана, вследствие чего будет ярче выражена историко-культурная ценность его творчества. "Бытийное через быт" (Л. Е. Кройчик) – основное творческое устремление Н. С. Лескова; 2) о важности изучения творческого метода писателя, как метода, построенного не на основе противопоставления, а на основе сосуществования различных элементов поэтики (одним из ведущих элементов нам представляется художественно-документальное начало); 3) вопрос о религиозности Н. С. Лескова. На современном этапе литературоведения актуальна тема осмысления религиозности в творчестве того или иного писателя. Н. С. Лескова иногда называют религиозным писателем, но для нас религиозность Н. С. Лескова лежит не в сфере признания им всех внешних выражений православного вероисповедания, а в области истинно духовной веры в учение Христа (таково понимание самого художника).

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предметом исследования в диссертации являются не отдельные составляющие творчества Н. С. Лескова (такие как "поэтика", "малые жанры", "художественно-документальные произведения"), а то, как синтез этих трех начал функционирует в произведениях писателя. Поэтому основная цель диссертации – рассмотрение целостности и художественной зрелости

"позднего" творчества писателя как периода синтеза и обобщения на основе эпического и философского осмысления действительности.

Кроме того, принципиальным для нас оказывается углубление представлений о своеобразии развития лесковского творческого метода. Мы полагаем, что в нем не было так называемой "стрелы", взлета, постепенного восхождения, не было и развития по спирали. У Н. С. Лескова в разных ситуациях возникали разные тенденции (что-то усиливалось, что-то выходило на передний план), но всегда и все было нераздельно, сосуществовало.

Поставленная нами цель углубленного изучения наследия писателя неизбежно влечет за собой постановку и решение не менее важной проблемы широкого контекстуального прочтения творчества Н. С. Лескова.

В связи с данными целями мы поставили перед собой следующие задачи: 1) рассмотреть жанровые искания русской литературы 1880–1890-х гг. в малой прозе с углубленным анализом творческих исканий "позднего" Н. С. Лескова; 2) раскрыть новаторские приемы Н. С. Лескова в изображении способов взаимодействия документального, достоверного и вымышленного; 3) исследовать творчество Н. С. Лескова с точки зрения глубины и "концентрированности" его содержания, и тем самым ввести новые основания для определения места писателя в литературном процессе в целом.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основным объектом научного анализа в настоящей работе являются произведения Н. С. Лескова малых жанров периода 1880–1890-х гг., а именно: отдельные сочинения малой формы, преимущественно неизученные и малоизученные (очерки "Товарищеские воспоминания о П. И. Якушкине", "Загробный свидетель за женщин. Наблюдения, опыты и заметки Н. И. Пирогова, изложенные в письме к Э. Ф. Раден", "Чудеса и знамения. Наблюдения, опыты и заметки"; сказки "Маланья – голова баранья", "Рассказ про чертову бабку"; легенды, притчи); циклы рассказов ("Святочные рассказы", "Рассказы кстати" и "византийские" легенды); незаконченный роман "Чертовы куклы". А также "затекстовые" материалы: варианты, литературно-критические и автобиографические статьи, публицистические выступления, воспоминания, эпистолярное наследие.

Источники отобраны по следующим принципам: 1) хронологический (рассматривается творчество Н. С. Лескова 1880–1890-х гг. с обращением по мере необходимости к более ранним произведениям); 2) смысловой (анализируются малые жанры у Н. С. Лескова, творчески им трансформированные и являющиеся художественно-документальными); 3) эстетический (под ценностным анализом мы понимаем исследование мастерски выраженной на основе обогащенных норм искусства значимой для человечества художественной концепции, отвечающей потребностям общества, то есть, учитывая роли того или иного произведения в сфере общественного бытия человека).

Выбор нами для исследования периода творчества (1880–90-е гг.) обусловлен тем, что он наименее изучен, хотя, на наш взгляд, именно в это время Лесков-человек и Лесков-писатель максимально "разоблачает" себя, раскрывается во всей своей сложности и противоречивости.

Указанный период – время зрелого мастерства, которое конденсирует и синтезирует все генеральные линии более раннего творчества. Именно своей незавершенной завершенностью (Н. С. Лесков поставил в своих поздних произведениях множество вопросов, которые остались открытыми в силу глубокого философского потенциала и "вечной" своей природы), многослойностью и диалектичностью и привлекает творчество 1880–1890-х гг.

МЕТОДОЛОГИЯ И ПУТИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Современная история литературы может быть успешно выстроена только в широком контексте культуры (в связи с критикой и публицистикой, другими видами искусства, философскими и религиозно-нравственными, социальными и конкретно-научными идеями, теориями, концепциями, эстетическими и политическими идеалами). В этом отношении традиционно филологический, литературоведческий подход должен быть дополнен культурологическим. "Сторонники" культурологического подхода в разное время, – О. Миллер, Д. Н. Овсянко-Куликовский; Б. Эйхенбаум, М. Бахтин, В. Шкловский, Ю. Тынянов, В. Пропп, Г. Гуковский, Д. Лихачев, Ю. Манн, В. Топоров и др.

Суть культурологической методологии, как она сформировалась на сегодняшний день, в том, чтобы представить литературно-художественные тексты, историю литературы не только результатом истории народа, государства, а в тесном взаимодействии с внелитературными системами на равных условиях, образующими сложный синтез творческих усилий художника, почерпнутых из современного ему культурно-исторического контекста.

Помня глубокое и точное замечание Д. С. Лихачева о том, что "литературное произведение, литературное течение, направление, стиль и пр. значительнейшим образом изменяется от того, с какой научной методологией к ним подходят" (Д. С. Лихачев), а также чтобы обогатить проблемную сторону нашего диссертационного исследования, мы привлекли в помощь культурологическое истолкование текста и контекста. Согласно этому истолкованию, текст органично вписывается в окружающий его контекст, за счет чего определяется эстетическая и художественная целостность произведения. Иными словами, в исследовании мы будем стремиться к постижению творчества Н. С. Лескова как целостной системы, сыгравшей свою роль в становлении литературы, и не только литературы. По верному выражению А. В. Михайлова, "постановка и решение любой частной проблемы требует <...> видения целого культуры" (А. В. Михайлов). Основной принцип анализа произведений, которого мы придерживаемся в работе –

целостный анализ, метод нашего исследования можно определить как системный.

Анализируя художественные произведения Н. С. Лескова, учитывая специфику поставленных целей и задач, мы также обращались к системно-типологическому и историко-функциональному методам.

Нами принимались во внимание и те достижения литературоведческой методологии, которые и в виде теоретико-эстетических доктрин, и в выводах историко-литературных исследований сформировали общую научную картину постижения русской литературы конца XIX века. Прежде всего мы имеем в виду труды тех, кто стоял у истоков изучения литературы 1880–1890-х гг. (Д. Н. Овсянко-Куликовский, А. К. Бороздин, Н. Энгельгардт, А. М. Скабичевский), и работы следующего поколения российских ученых, методологически богатые, выстроенные на огромном фактическом материале (Б. Эйхенбаум, М. Бахтин, В. Шкловский, Ю. Тынянов, В. Пропп, Г. Гуковский; Д. Лихачев, Ю. Манн, В. Топоров, П. В. Куприяновский).

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РАБОТЫ

определяется новизной подхода к изучению "позднего" творчества Н. С. Лескова, рассмотренному с точки зрения целостности всех элементов поэтики. Основные положения диссертации могут быть использованы при разработке учебных пособий, лекционных и практических курсов в высшей школе и специализированных учебных заведениях среднего звена.

АПРОБАЦИЯ РАБОТЫ

происходила в форме докладов на различных конференциях: ежегодные научные конференции преподавателей и аспирантов ИвГУ (1999, 2000); "Малые жанры в отечественной и зарубежной словесности. Теория и история" (Иваново, 1999); межвузовская конференция по малым жанрам (Иваново, 2000); "Н. А. Некрасов: современное прочтение. Научно-практическая конференция к 180-летию со дня рождения русского национального поэта" (Кострома, 2001). Отдельные фрагменты работы представлены в четырех публикациях по теме диссертации (две из которых находятся в печати) и докладах автора на методологических семинарах под руководством проф. Л. А. Розановой. Диссертация обсуждена на кафедре русской литературы Ивановского государственного университета.

СТРУКТУРА РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы. Кроме традиционной схемы, структура работы определена теми особенностями "позднего" творчества Н. С. Лескова, которые требовали рассмотрения с разных сторон, а также целями и задачами исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

ВВЕДЕНИЕ

Во Введении обоснованы актуальность темы и научная новизна работы, названы ее цели и задачи, охарактеризована степень изученности материала, определены методология исследования, терминологическая и понятийная база. Главная же задача Введения — выявление законообразующих констант художественного мира "позднего" Н. С. Лескова.

Одна из граней нравственных исканий Н. С. Лескова в начале 1890-х годов раскрывается при обращении к пометкам на книгах из личной библиотеки писателя (подробный обзор представлен Л. Н. Афонинным). Так, например, там хранится поэма Эдвина Арнольда "Светило Азии, или Великое отречение" (1891). Пометы Н. С. Лескова позволяют заключить, что в этом поэтическом изложении жизни Будды и его учения художнику дороги призывы к милосердию, состраданию, любовь ко всему живому, мечта о всеобщем мире. Для самого Н. С. Лескова это особое время — время новых поисков и новых задач. Несмотря на происходящее "оскудение нравов", Лесков по-прежнему верен серьезной литературе: "Я отдал Литературе всю жизнь и предал ей все, что мог получить приятного в этой жизни".

Согласно логике развития художественного метода писателя, мы считаем этот период подготовленным всем предшествующим лесковским творчеством и органично из него вытекающим, но имеющим новые свойства и вобравшим в себя то, чего не было ранее, а именно, нарастание критицизма и скептицизма в произведениях. Одновременно происходило усиление документального начала с целью заинтересовать читателя, заставить поверить в осуществимость авторского нравственного идеала.

ГЛАВА I

В Главе I — "Творческие искания Н. С. Лескова в малых жанровых формах (1880—1890-е гг.)" — говорится о малых жанрах в творчестве Н. С. Лескова как доминирующей форме указанного периода и о синтетичности малых жанров Н. С. Лескова как основе новых форм документального.

В литературном процессе к 1870—1880 гг. складываются качественно новые отношения между вымыслом и фактом, отличные от предшествующих эпох литературной истории. Искусство последней трети XIX в. стремится к стиранию границ между собой и действительностью, и вымысел претендует быть равнозначным реальной жизни.

Н. С. Лесков, как никто другой, прочувствовал все метаморфозы литературы, и этот сложный, меняющийся мир вызвал появление новых тенденций в жанровой системе писателя: форма "малого жанра", разработанная (и сосуществующая с крупными произведениями — хрониками, романами) им еще в 1860—1870-х гг., становится к 1880-м определяющей.

Жанровые искания писателя были постоянны и настойчивы. Наиболее выразительно поиск отражался в тех новых для литературы жанровых обозначениях, которые давал Н. С. Лесков. Специфика лесковского творчества (и особенно произведений художественно-документальных) в том, что писатель сознательно отказывается от традиционных форм.

Н. С. Лесков (а также его современники — Гаршин, Толстой, Чехов, Салтыков-Щедрин, Короленко, Боборыкин, Потапенко, поздние народники) в работе над произведениями "малых" (да и не только) жанров стремился к тому, чтобы у читателя возникло ощущение живой жизни. Он всегда предпочитал идти от факта, который подвергался сложным художественным преобразованиям. Герои, созданные воображением художника, воспринимаются как реальные лица, события, описываемые им, кажутся срисованными с действительности. Иллюзия достоверности многих персонажей Н. С. Лескова еще увеличивается благодаря именам героев, известным многим, и имеющим реальные прототипы ("Кадетский монастырь", "Белый орел", "Левша", "Клоподавие").

Кроме того, Н. С. Лесков свободно моделирует художественное время и пространство внутри новых жанровых образований, создавая сложный синтез публицистики, художественной прозы, журнальных жанров, изображая героев "вне времени" (не в силу социальной "остраненности", а по причине бытийности данных образов), наполняя "невыдуманные истории" элементами сказочной фантастики.

Именно в 1880–1890-е годы Н. С. Лесков создает максимальное количество произведений, стоящих на грани между очерком и рассказом, очерком и другими жанрами или элементами различных жанров: "Картины прошлого. Брачные истории тридцатых годов" (1883) — напоминающие жанры древнерусской литературы, "Загробный свидетель за женщин" с подзаголовком "Наблюдения, опыты и заметки Н. И. Пирогова, изложенные в письме к Э. Ф. Раден" (1886), "Легендарные характеры" (1892), "Вдохновенные бродяги" (1894). Так, например, в очерке "Товарищеские воспоминания о П. И. Якушкине" Н. С. Лескову удается соединить элементы публицистического очерка, сказки, жития.

Преобразование Н. С. Лесковым жанра очерка, на наш взгляд, шло в русле обретения последним новой, свободной структуры. Иными словами, очерк напоминал жанр обзора, или обозрения, значение которого, как известно, в возможности формулирования ведущей проблемы времени и ее изучения на литературном материале. Обзор допускает многочисленные отступления в стиле излюбленного Н. С. Лесковым приема *а ргoгo*: таким путем осуществлялся переход от литературы в область философии или социологии.

Но жанровые искания Н. С. Лескова затрагивали, естественно, не только очерковую сферу, но и рассказы, и циклы рассказов. Поиск новой формы рассказа и нового наполнения знакомого образования "цикл произведений"

шли у Н. С. Лескова на протяжении всего творчества. Однако, ссылаясь на "неровность" писательской манеры, можно говорить о преобладании жанровых и смысловых трансформаций именно в 1880–1890-е гг. В этот период Н. С. Лесков создает "притчи" – необычный в литературе жанр, "легенды", цикл легенд. Среди жанровых обозначений, которыми пользовался Н. С. Лесков именно в жанровообозначающем терминологическом смысле, у него есть просто "легенды" ("Легенда о совестном Даниле", "Невицкий Пруденций", "Лев старца Герасима"), а есть "легенды нового сложения" ("Левша" – обозначенный автором "сказ", "Леон дворецкий сын").

Рассказы Н. С. Лескова также имеют интересные и совершенно необычные подзаголовки и обозначения. В основном, то, о чем говорится в рассказах (отдельных, или, что проступает ярче, циклически объединенных) прикрепляется к определенному месту и времени (опора на документ, факт, действительное событие являются приоритетными константами творческого кредо всей литературной деятельности Н. С. Лескова), и эта погруженность повествования в реальную действительность, обрамленность жизненным пространством сообщает повествованиям фактическую достоверность, жизненную наполненность.

Произведения Н. С. Лескова (зачастую имея как бытовое, так и бытийное содержание, а то и оба вместе) в целом, по своей функциональной нагрузке, как бы "обслуживали" бытовую сторону жизни человека (не случайно и "византийские" легенды, и "Народные рассказы", и тем более "Святочные рассказы" писались с ориентацией на всех, а не только на образованные круги, и скорее всего, были рассчитаны именно на "простых людей", были доступны). Н. С. Лесков как бы возобновлял ситуацию, характерную для фольклора и древнерусской литературы, где произведение воспринималось в составе самой действительности и преследовало прямые практические цели.

В этой связи вполне объяснимы нетрадиционные жанровые обозначения, которые давал своим повестям и рассказам Н. С. Лесков: они фиксировали своеобразные отношения между действительностью и произведением. Подзаголовок, намечая жанр, тем не менее отсылал читателя не столько к литературной традиции (как это происходит с обозначениями "роман", "повесть" и т.д.), сколько к "живой жизни". Тем самым Н. С. Лесков переиначивал не только традиционные литературные каноны, но и само содержание традиционных жанровых форм, наполняя малые формы глубоким смыслом, достигающим в отдельных случаях эпического звучания.

ГЛАВА II

Вторая глава – Диалектика документального и вымышленного в произведениях малой формы Н. С. Лескова – раскрывает многие аспекты эстетики Н. С. Лескова, проецируя их на художественные произведения

писателя, утверждает новое наполнение уже традиционных для отечественной литературы жанровых форм.

Судьба романа, проблемы смены и трансформации жанров, манер повествования и обновления литературных приемов находились в центре внимания и писателей и критиков 1880–1890-х гг., поэтому совершенно оправдано и закономерно стремление многих писателей усовершенствовать и преобразовать жанровую природу рассказа. Но изменения, естественно, коснулись не только рассказа, но и очерков, философско-психологических рассказов, аллегорически-сказочных этюдов, притч. Н. С. Лесков представил целую палитру произведений "переходного жанра" (сказки, легенды, "святочные рассказы", притчи). Характерной особенностью периода было нежелание "выдумывать", животрепещущая субъективная "документальность" исповеди героя, порой сливающегося с образом автора-рассказчика.

Н. С. Лесков ощущал неразрывность связи действительности с литературой и приветствовал любые попытки создать в художественном произведении полнокровные образы реального бытия. Ситуация выбора между фантазией и действительностью, в которой неоднократно оказывался Н. С. Лесков, всегда имела один-единственный выход: Н. С. Лесков никогда не изменял факту и образу факта. Склонность Н. С. Лескова к фактологической насыщенности собственных произведений позволяет предположить, что поэтика факта была основой своеобразия художественной системы писателя на протяжении всего творческого пути.

Творческая задача Н. С. Лескова – преподнести читателю факт таким, каков он есть, объективно, в его первозданности (вспомним многочисленные высказывания Н. С. Лескова о том, что жизнь может предоставить такие "комбинации", каких не в силах придумать самый изощренный ум). Говоря об объективности факта, мы имеем в виду не только включение в ткань художественного произведения сугубо достоверных явлений или событий, не подвергающихся авторской трактовке и переосмыслению. Под "объективностью факта" мы полагаем все многообразие форм и функций документального начала, проступающего в произведениях Н. С. Лескова, абсолютно не ограничивая варианты включения достоверных, подделанных под достоверные фактов в художественный текст. Кроме того, в произведениях Н. С. Лескова сильна поэтика фантастического, и фантастика столь неоднородна по семантической направленности, по характеру и функциям, что требует системного анализа ее разновидностей в соотношении с реальными событиями.

В зависимости от жанровой природы произведения, различались и формы документального начала, и виды его взаимодействия с вымыслом. Так, например, в сказе "Левша" ставится проблема осуществления авторского идеала – нового мироустройства. Поэтому функция документального в "Левше" (кроме установки на достоверность) осложняется задачей реализации авторского идеала в жизни. Но так как художественное произведение – всегда

переосмысление, творческая переработка факта, документа, то без определенной доли вымысла не обойтись. Если Н. С. Лесков решает глобальную проблему – проблему коренного переустройства национального бытия, то документальное обрастает вымыслом в преувеличенных формах (так появляется фигура Левши, чье мастерство превышает человеческие возможности: реально выковать крохотную блоху, но вероятность подковать ее невелика). Таким образом, исходная документальность, приобретая свойства вымысла, полностью переходит в область последнего. В свою очередь, если для Н. С. Лескова желаемая новая – основанная на глубокой нравственности и духовности – форма бытия вполне возможна, то эта форма обретает качества достоверности. Значит, документальное сближается с вымыслом, а вымысел с достоверностью. Происходит переворачивание смыслов, и этот прием является новаторским открытием Н. С. Лескова в общей тенденции художественно-документальной литературы 1880-х гг.

В циклах рассказов ("Святочные рассказы", "Рассказы кстати") также реализуется авторская тенденция "сближать" реальное и вымышленное, но в отличие от отдельных произведений, автор как бы выстраивает "мозаику" из образов, сюжетов, ситуаций, символов, словом, того, что составляет живую плоть любого художественного произведения, любого творчества. Возникает ощущение, что Н. С. Лесков "собирает" фрагменты действительности путем создания "историй" персонажей. "История" сама по себе – отражение мира, в котором может быть обнаружена связь составляющих целое частей и зафиксировано хотя бы относительное представление об этом целом. "История" – способ контакта с реальностью и ее дешифровки, равно как и персонаж. Поэтому неслучайно Н. С. Лесков создает именно циклы – точечное изображение ряда лиц и явлений, складывающееся в единую картину.

Однако, на наш взгляд, понятие "цикл" в творческой лаборатории писателя в 1880–1890-х гг. означает не возвращение к романной форме (хотя в содержательном значении его циклы представляют собой единое целое), а оказывается попыткой создать новое жанровое образование (не случайны у Н. С. Лескова преимущественно необычные подзаголовки и синтезирование нескольких жанров, или элементов жанров в одном произведении, призванные вызвать внелитературные ассоциации). Новаторским приемом Н. С. Лескова является умение поставить глубокие проблемы и очертить широкий круг вопросов в малых жанрах и жанрах, традиционно не предназначенных для отражения социальных, эстетических, нравственных, философских вопросов (как было представлено в "святочном" рассказе, в рассказе "кстати").

ГЛАВА III

Третья глава называется "Традиционное и новое в "византийских" легендах и сказках Н.С. Лескова". Трансформация жанров Н. С. Лесковым находит свое выражение в поэтике переосмысленных писателем форм народного поэтического творчества и древнерусской литературы. Работа

художника с привычными, устоявшимися жанрами была настолько неподотворной и так отличалась от преобразований других жанров (о которых говорилось выше), что мы посчитали необходимым исследовать легенды, сказки и притчи писателя в отдельной главе. Основной акцент уделен особой концентрированности, глубине одержания лесковской прозы конца 1880-х – начала 1890-х годов, а также философичности "поздних" произведений Н. С. Лескова – легенд, сказок.

Н. С. Лесков в своих заметках прямо указывает на то, что легендарные и житийные сюжеты должны выполнять творчески-"строительную" функцию, но ни в коем случае не отменять историчности, а иногда и документальности в повествовании.

У Н. С. Лескова есть ряд произведений-легенд, которые, как мы полагаем, можно разделить на несколько крупных групп. Одно из оснований классификации – тематическое объединение. В первую группу входят легенды о русской жизни: сюда относятся не только произведения с авторским обозначением этого жанра (например, "Леон дворецкий сын (Застольный хищник). Из народных легенд нового сложения", "Некрещеный поп. Невероятное событие (Легендарный случай)"), но и те произведения, которые могут не иметь определенных жанровых признаков, но могут напоминать об этом отдельными образами, фрагментами, эпизодами, то есть это не собственно легенды, а жанровые контаминации с формами рассказа, повести ("Запечатленный ангел", "Левша", "Павлин"). Вторая большая группа – собственно легенды из римско-византийской и египетской жизни до- и раннехристианского периода.

Еще одно из возможных оснований мы обозначили как детерминизм на уровне образа. В этом случае выделяются собственно легенды (т.е. произведения с четко проступающими признаками жанра – "византийские" легенды) и произведения, в которых создается *образ* легенды (такие произведения не обязательно обладают жанровыми признаками легенды – "Некрещеный поп", "Импровизаторы", "Левша").

Легенда как жанр привлекала Н. С. Лескова тем, что в силу своей природы допускала внутри себя свободное моделирование на всех уровнях – от содержания до формы. Субъективной причиной обращения писателя к легенде оказывается и полемичность позиции Н. С. Лескова точке зрения Толстого: по мнению Н. С. Лескова, Толстой довольно узко понимал предназначение жанра легенды. Н. С. Лесков свою задачу ставит широко – не только написать морально-назидательные произведения, но и максимально трансформировать их, чтобы выразить свои взгляды на то, как должно выглядеть цивилизованное общество, на каких законах оно должно строиться (в основном, взгляды Н. С. Лескова, отраженные в "византийских" легендах, были утопичны).

Так как Пролог, ставший основой лесковских легенд, по своей природе уже литературно-исторический документ, то произведения писателя в связи с

этим обстоятельством приобретают те особенности, которых не было в циклах "Святочные рассказы" и "Рассказы кстати", а именно: эпичность в "византийских" легендах выражена ярче, богаче и полнее за счет самой природы источника.

"Византийские" легенды Н. С. Лескова являют собой, по нашему мнению, единое целое, картину жизни, своеобразную панораму бытия, художественная концепция реализуется в замысле показать жизнь такого общества, к которому всем необходимо стремиться. Писатель избирает уникальную форму: материал берется из древнерусского Пролога, а действие переносится в Римскую империю первых веков нашей эры, в период становления христианства. Тем самым Н. С. Лесков хотел если не возродить, то изобразить церковь в ее первозданной чистоте.

Рассматривая "византийские" легенды Н. С. Лескова как целое, как цикл, можно увидеть в нем реализацию лесковской мечты-утопии, полностью соответствующей социально-этической программе позднего Н. С. Лескова. Оговоримся: утопию в данном случае мы понимаем не как жанровый признак, а как идейную основу замысла. В современной науке утопия понимается как подробное и последовательное описание воображаемого, но локализованного во времени и пространстве общества, построенного на основе альтернативной социально-исторической гипотезы и организованного — как на уровне институтов, так и человеческих отношений — совершеннее, чем то общество, в котором живет автор. Однако в "византийских" легендах Н. С. Лескова не обнаруживаются ни подробное описание определенного города (события происходят в разных географических точках), ни создание образа выдающегося правителя, ни скупости в отношении поэтических средств манеры повествования и т.д. Пожалуй, с утопией (в ее главном, концептуальном наполнении) цикл Н. С. Лескова роднит то, что Т. Н. Головина обозначает как "христианское представление о добродетельной жизни".

"Византийские" легенды, как художественный цикл, пронизаны несколькими сквозными мотивами. Эти мотивы реализуются в трех основных смысловых объединениях внутри цикла. Во-первых, мотив движения, мотив странствий, направленных на поиски единственно истинной — христианской — веры, вне церковного ее толкования ("Гора", "Легенда о совестном Даниле", "Сказание о Федоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине", "Невинный Пруденций", "Прекрасная Аза"). Во-вторых, мотив христианской любви, представленный конкретными примерами подвижничества, смирения, братской любви между людьми ("Повесть о богоугодном дровоколе", "Лев старца Герасима", "Аскалонский злодей"). Третий, по мнению Н. С. Лескова, самый главный мотив — служение на благо ближнему, воплощенный в обобщающем, синтезирующем идеальные человеческие (в первую очередь, духовные) качества образе ("Скоморох Памфалон").

Сквозные мотивы в цикле оказываются, на наш взгляд, попыткой выйти за пределы частных историй, единичных характеров. Этот выход завершается художественным синтезом, в основе которого лежит идея эпического масштаба: отдельные события, подвиги, свершения формируют некую систему поведения, интегрированную в программу, в нравственный неписанный закон (делай все по законам божьим, неси "свет своей души" людям). Эпическое наполнение цикла, таким образом, обуславливается за счет "панорамности" произведений (отдельными штрихами рисуется картина целого, из описания отдельного подвига, ситуации, образа выкладывается мозаика жизни в целом, запечатлевается единство жизни во всех ее проявлениях). Отсутствие зримого рассказчика создает обратный эффект: как будто не кто-то повествует о чем-либо, а сама жизнь разворачивает полотно причудливых метаморфоз, чудесных событий, которые реальны в художественном мире и при желании могут быть частично осуществлены в жизни, вымысел становится равнозначен действительности.

Наряду с легендами, в позднем творчестве Н. С. Лескова появляются литературные сказки и рассказы-притчи, опирающиеся на традиции русского фольклора, в которых Н. С. Лесков развивает и усиливает христианские мотивы легенд, создавая уже не столько полнокровные образы (как было в легендах), сколько образы-символы, олицетворяющие определенные идеи.

Лесковские сказочные героини продолжают вереницу мудрых дев народных сказок и древнерусских повествований. Жалостница из сказки "Час воли божией" — крестьянская девушка Феврония из житийной "Повести о Петре и Февронии", Маланья — святая Ульяния, милосердная ко всем странникам и нищим, в неустанных хлопотах и добрых делах не успевающая сходить в церковь, но заслужившая своей праведной жизнью "царство божие" ("Повесть об Ульянии Осоргиной"). Праведницы Н. С. Лескова незримыми нитями связаны со скорбно-печальными и одухотворенными женскими ликами русских икон. Они жалеют каждого и самоотверженно спешат на помощь любому нуждающемуся человеку, не дожидаясь, когда их призовут. Их истинная мудрость — в том, чтобы почитать самым важным часом — час теперешний, самым нужным человеком — того, с кем сейчас дело имеешь, самым дорогим делом — добро, которое в этот час этому человеку поспешишь сделать.

Нельзя сказать, что цикл "византийских" легенд означал вершину художественного мастерства Лескова-художника. Расширив диапазон стилистических средств, легенды клонили его творчество к известной дидактической иллюстративности, отвлеченному морализаторству, не давали возможности автору развернуть характеры с безупречной психологической правдой и мощью, с яркой непредсказуемостью проявлений человеческой природы, которой отличалась его проза на русские темы.

Однако легенды в творческой мастерской писателя подвели некую итоговую черту исканиям Н. С. Лескова и с наглядностью

продемонстрировали опору Н. С. Лескова на глубинный слой народной культуры, на философское предание. Создавая проложные легенды, Н. С. Лесков не пытался "осовременить" исторический материал, механически заменить древними декорациями современную обстановку, притянув к ним волновавшие его проблемы. Писатель сумел создать в легендах удивительный сплав раннехристианского и современного, простого, идущего от содержания и поэтики древнего жанра, и сложного, связанного с новейшими идеологическими и литературными тенденциями.

Легенды и сказки Н. С. Лескова философичны в самом высоком значении. Идея активной и деятельной любви, которую писатель проповедует в своих произведениях, перерастает в философский спор о смысле человеческой жизни. Под его пером проповедь нравственных ценностей лишается своего мистического ореола, выходит за религиозные рамки. Н. С. Лесков, по существу, обращается к общечеловеческому содержанию религиозных постулатов. Это для него первостепенно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В "Заключении" подведены итоги, представлены основные выводы, обобщающие проведенный в диссертации анализ поэтики произведений Н. С. Лескова 1880–1890-х гг.

Н. С. Лесков органично вписывался в литературный контекст своей эпохи. Если говорить о творческих исканиях литературы конца XIX века в аспекте взаимодействия всех оттенков реального и вымышленного, то можно заметить одну закономерность: поэтика факта и поэтика фантастического в творчестве русских классиков этого времени были устойчивыми явлениями, что свидетельствует о преобразовательском потенциале литературы последней трети века. Удивительной особенностью произведений с документальной основой оказывалось то, что эти произведения были продиктованы не столько необходимостью "допустить" реальную жизнь в литературу и зафиксировать ее в изменчивых, текучих формах, сколько тревожными раздумьями о дальнейших судьбах мира, о выборе, о свободе и необходимости, о непротивлении злу и сопротивлении ему.

Суть творческого метода Н. С. Лескова, как нам представляется, не столько в расширении границ искусства, сколько в углублении художественного мира, в создании эффекта бесконечного непрерывного бытия, а специфика творческого метода в том, что у Н. С. Лескова нет "чистых" жанров, романов, рассказов – хотя они вроде бы есть, вместо этого – странные обозначения; есть документальные и будто бы документальные произведения, где есть исторические имена, события, факты.

Н. С. Лесков стремился к предельной, документальной – как сказали бы мы сегодня – достоверности, и бытовой, и даже этнографической, в изображении русской жизни. Но оставаться только бытописателем, хотя и талантливым, он не хотел и не мог. В русской литературе 1880–1890-х гг.

художественная образность наполняется предельно обобщенным, символическим смыслом. Поэтому, говоря о "реальных" событиях, о "реальном" в художественном тексте, мы предполагаем (вслед за Н. С. Лесковым) не только фактографическую наполненность данных понятий, но их нематериальную сущность, озаренную глубинным дыханием, смыслом высшим – поиском и стремлением к чему-то значимому для человека, его самоопределению, становлению.

В поэтике Н. С. Лескова (и особенно позднего) документальное повествование – средство убедить читателя в достоверности, истинности изображаемого. Читателя, по мнению Н. С. Лескова, трогает только то, во что он верит; истинное происшествие проще, но зато трогательнее, чем вымысел. Роман – искусственная, неестественная форма, в нем читатель видит "сочинение автора", а малые жанры – естественная форма, потому что в них "списано все с натуры". Н. С. Лесков стремился придать естественность малым жанрам (и, что особенно трудно, жанрам, по своей природе несущим значительную нагрузку фантастического, вымышленного – легенде, сказке) в тот момент, когда обнаружился кризис традиционных, главным образом, романских форм в литературе. Именно в переломные литературные эпохи вымысел становился преградой между писателем и читателем.

Жизнь обнаруживает всю широту своих эпических возможностей, и Н. С. Лесков стремится как можно полнее зафиксировать все ее проявления. Делать это всего удобнее яркими отдельными зарисовками небольшого размера, чтобы отчетливее проступала мысль. Но чем многообразнее жизнь, тем многообразнее и ее воплощения, чем она сложнее, тем насыщеннее изображаемые картины, поэтому лесковская форма "малого жанра" несет на себе задачу эпического наполнения, к концу жизни писателя ставшего во многом утопичным.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. Сказ Н. С. Лескова "Левша": о взаимодействии достоверного, документального и вымышленного // Перекресток-2: Сб. текстов по истории словесности и культурологии. Иваново-Шуя, 1999. С.109–114.
2. Христианские заповеди. Их воплощение в основанных на материале русской провинции "Святочных рассказах" Н. С. Лескова // Провинция как социокультурный феномен: Сб. науч. трудов участников VIII Международной конференции 18–27 мая 2000 г. Кострома, 2000. Т.5. Ч.1. С.81–86.
3. Поэтика "преобразований" жанра очерка Н. С. Лесковым в 1880-х гг. // В печати. 0,5 печ. л.
4. Легенды и притчи Н. А. Некрасова и Н. С. Лескова // В печати. 0,5 печ. л.